

Е. И. Цымбал*,

А. П. Дьяченко**

ПСИХОЛОГО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА МАЛОЛЕТНИХ ПОТЕРПЕВШИХ ПО ДЕЛАМ О СЕКСУАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Аннотация. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза потерпевших играет важную роль в расследовании и рассмотрении в суде дел о сексуальных преступлениях в отношении малолетних. По мнению авторов, состояние экспертной практики по данной категории дел не всегда отвечает потребностям следствия и суда. Суды склонны доверять мнению экспертов и не всегда по существу оценивают обоснованность экспертных выводов, игнорируют несоответствие этих выводов другим доказательствам, собранным по делу. Для изменения сложившейся ситуации авторы предлагают ряд мер. С учетом знаний виктимологии и юридической психологии о психологических последствиях, вызываемых у детей перенесенным сексуальным насилием, необходимо расширить круг вопросов, которые могут быть поставлены перед экспертами при расследовании сексуальных преступлений в отношении малолетних. Определить круг вопросов, которые целесообразно ставить перед экспертами при назначении экспертизы на этапе возбуждения уголовного дела. Наделить экспертов психиатров и психологов правом в рамках производства экспертизы самостоятельно опрашивать свидетелей для получения информации о жизни и развитии испытуемых. При этом установить уголовную ответственность экспертов за заведомое искажение информации, полученной от свидетелей. Признать допустимость формулирования экспертами альтернативных вероятных выводов. Необходимость формулировать альтернативные выводы побудит экспертов выдвигать не одну, а несколько экспертных гипотез, анализировать обстоятельства, подтверждающие и опровергающие каждую из них. Такая практика позволит резко сократить число экспертных ошибок, обусловленных эмоциогенными искажениями формирования внутреннего убеждения эксперта. При развитии правового регулирования производства комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз малолетних потерпевших по делам о сексуальных преступлениях и методики указанных экспертиз целесообразно опираться на международно-правовые стандарты и опыт зарубежных стран.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психиатрическая экспертиза, сексуальные преступления, малолетние потерпевшие, экспертные ошибки, расширение прав эксперта, вероятные выводы, доследственная проверка.

DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.136-146

© Цымбал Е. И., Дьяченко А. П., 2017

* Цымбал Евгений Иосифович, кандидат медицинских наук, аналитик городского научно-практического центра по защите прав детей «Детство» Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы detstvo476@mail.ru

115419, Россия, г. Москва, ул. Шаболовская, д. 48

** Дьяченко Анатолий Петрович, доктор юридических наук, профессор Современного гуманитарного университета

melhior@inbok.ru

109029, Россия, г. Москва, ул. Нижегородская, д. 32, стр. 4

Главным итогом сексуальной революции конца XX в. можно считать либерализацию взглядов на отношения между полами и уважение права личности на свободу самоопределения в сфере сексуальных отношений. В связи с этим во многих странах признаны допустимыми гомосексуальные браки, а в ряде стран разрешено усыновление детей гомосексуальными парами.

Либерализация в сфере сексуальных отношений (например, раннее начало половой жизни, разнообразие форм сексуальных контактов) сопровождается усилением уголовной ответственности за педофилию. Это связано с тем, что сексуальная стимуляция ребенка, неадекватная его возрасту, нередко приводит к развитию у него длительных тяжелых психологических и поведенческих нарушений.

Признание российскими законодателями особой общественной опасности сексуальных посягательств в отношении детей нашло отражение в ужесточении уголовной ответственности за эти преступления.

Особенностью сексуальных преступлений в отношении детей является их высокая латентность. Ее следствием зачастую становится отсутствие вещественных доказательств по данной категории дел. Обвинение в подобных случаях основывается на показаниях малолетнего потерпевшего. При оценке следователем и судом этих показаний существенную роль имеют результаты комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ).

Производство экспертизы по уголовным делам определяется гл. 27 УПК РФ и Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹. Порядок применения статей гл. 27 УПК РФ разъясняется постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»².

КСППЭ и однородная судебно-психиатрическая экспертиза предполагают медицинское вмешательство (психиатрическое освидетельствование), поэтому их производство регламентируется также Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здо-

ровья граждан в Российской Федерации»³ и Законом РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»⁴.

Законодатель установил минимальный круг обстоятельств, для установления которых назначение экспертизы обязательно (ст. 196 УПК РФ). Указанные обстоятельства определяют вопросы, которые обычно ставятся при назначении экспертизы. Применительно к малолетним потерпевшим и свидетелям по делам о сексуальных преступлениях, как правило, перед экспертами ставят вопросы о наличии (об отсутствии) у ребенка психического расстройства; о его индивидуально-психологических особенностях; о наличии (об отсутствии) способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать о них показания; о наличии (об отсутствии) повышенной внушаемости или склонности к фанатизированию.

Однако специальные знания экспертов могут использоваться и для установления иных обстоятельств, имеющих значение для дела. Не случайно в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» обращено внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Например, в ст. 6.21 КоАП РФ установлена ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Однако пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди взрослых лиц ныне не запрещена. По мнению авторов, для установления того, что определенная информация о нетрадиционных сексуальных отношениях воспринимается несовершеннолетними именно как пропаганда этих отношений, необходимо использование специальных знаний, т.е. назначение экспертизы.

Увеличение объема научных знаний позволяет расширить спектр вопросов, которые могут быть поставлены на разрешение экспертов. Инициатива в формулировании этих новых во-

¹ СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

³ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁴ URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

просов принадлежит экспертному сообществу. На практике же за 25 лет, прошедших с момента возникновения КСППЭ, вопросы, которые следователи и суд ставят перед экспертами, назначая экспертизу в отношении малолетних и несовершеннолетних потерпевших и свидетелей по делам о сексуальных преступлениях, почти не изменились. Это тем более удивительно, что за указанный период накоплен значительный объем новых знаний в области юридической психологии, виктимологии несовершеннолетних и психологических последствий сексуального насилия над детьми.

Принципиально иная ситуация сложилась при рассмотрении судами споров, связанных с воспитанием детей. Верховный Суд РФ в определении № 45-КГ15-3 разъяснил, что по данной категории дел суд может назначать экспертизу для диагностики внутрисемейных отношений и взаимоотношений ребенка с каждым из родителей, для выявления психологических особенностей каждого из родителей и ребенка, для психологического анализа ситуации в целом (семейного конфликта), для определения наличия или отсутствия психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей⁵. Ответы на ряд из этих вопросов важны и при расследовании сексуальных преступлений в отношении детей, совершенных хорошо знакомыми им людьми (это значительная часть сексуальных преступлений в отношении малолетних).

По нашему убеждению, эксперты психологи и психиатры могут дать ответ на вопросы о том, имеются ли у ребенка эмоциональные и/или поведенческие нарушения, которые характерны для детей, перенесших сексуальное насилие; каковы индивидуальные психологические особенности ребенка и какое влияние они могли оказать на его поведение в криминальной ситуации. В случае отказа ребенка от данных ранее показаний эксперты могут установить его мотивы.

В качестве подтверждения потребности следствия и суда в расширении круга вопросов, которые ставятся перед экспертами в процессе уголовного судопроизводства по делам о сексуальных преступлениях в отношении малолетних, приведем два примера из судебной практики разных регионов России.

Так, Ю. обвинялся в неоднократном совершении насильственных действий сексуального характера в отношении четырех малолетних потерпевших. Дело рассматривалось Верховным судом Чувашской Республики. Виновный использовал традиционную схему совершения сексуальных преступлений в отношении малолетних: знакомился с девочками 10—13 лет из неблагополучных семей, приглашал их к себе домой, совершал действия сексуального характера, за что платил потерпевшим от 200 до 500 руб. В отношении потерпевших была проведена КСППЭ, перед экспертами были поставлены традиционные вопросы о способности давать показания. Эксперты пришли к выводу, что потерпевшие могут правильно воспринимать только внешнюю сторону обстоятельств, имеющих значение для дела, однако они недостаточно ориентированы в вопросах сексуальных отношений.

Суд согласился с этими выводами экспертов, хотя они противоречат материалам уголовного дела. Ю. платил потерпевшим от 200 до 500 руб. за возможность осматривать их половые органы, трогать их руками, прикасаться к ним языком. Он предлагал потерпевшим 5 000 руб. за совершение полового сношения, однако все они отказались. Также потерпевшие скрывали от родственников свои отношения с ним. Отмеченные факты, по нашему мнению, свидетельствуют о частичном понимании потерпевшими характера совершенных с ними сексуальных действий и их возможных последствий. К сожалению, эксперты оценки этому обстоятельству не дали, руководствуясь абстрактными представлениями о нормативной информированности детей определенного возраста о сексуальных отношениях.

Из квалификации деяния подсудимого по ст. 132 УК РФ следует, что он совершал преступления, используя беспомощное состояние потерпевших, которые не могли понимать характера и значения совершенных с ними действий. При этом суд взыскал с подсудимого по 100 000 руб. в пользу каждой из потерпевших в качестве компенсации морального вреда.

Отметим противоречивость такого решения. Если потерпевшие не понимали характер и значение совершенных действий, то вряд ли можно говорить о том, что им причинен мо-

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) // Солидарность. 2016. № 3.

ральный вред. В приговоре отсутствует информация о том, что у потерпевших после совершения преступления отмечались стабильные эмоциональные расстройства, которые можно рассматривать как проявление нравственных страданий. Вопрос о негативных последствиях преступления для каждой из потерпевших, об их возможных моральных страданиях должен был быть поставлен перед экспертами, однако этого почему-то сделано не было.

Второе уголовное дело, рассмотренное Верховным судом Республики Татарстан, представляет интерес необычностью фабулы. М. (отчим потерпевшей — несовершеннолетней Н.) обвинялся в неоднократном совершении изнасилования (69 эпизодов) и насильственных действий сексуального характера (7 эпизодов) в отношении нее. Г. (мать потерпевшей) обвинялась в совершении в отношении нее совместно с М. насильственных действий сексуального характера. Из обвинительного заключения следовало, что отчим состоял в сексуальной связи с падчерицей 7 лет, эти отношения начались, когда ей исполнилось 9 лет. Когда потерпевшей было 11 лет, М. совместно с Г., находившейся в состоянии алкогольного опьянения, совместно совершили в отношении потерпевшей насильственные действия сексуального характера.

На предварительном следствии отчим признал только совершение 4 половых сношений с падчерицей после достижения ею возраста 15 лет. Из его показаний следовало, что половые сношения совершались без применения насилия по взаимному согласию. Отчим утверждал, что падчерица оговорила его и свою мать вследствие личной неприязни. Мать свою вину отрицала. Обвинения основывались на показаниях потерпевшей и свидетелей, получивших информацию с ее слов после достижения ею 15 лет.

Из материалов уголовного дела следовало, что отчим в воспитании падчерицы занимал авторитарную позицию, запрещал ей гулять в вечернее время, использовал телесные наказания. Вследствие конфликтов с отчимом потерпевшая несколько раз уходила из дома. Противоречия между М. и Н. обострились после достижения последней 15 лет, когда она собралась замуж и вступила в сексуальные отношения со своим избранником.

По делу назначалась КСППЭ, перед которой были поставлены традиционные вопросы о способности потерпевшей давать показания. Вопросы о характере взаимоотношений в семье, об отношении потерпевшей к отчиму, о наличии у нее нарушений, которые могут быть связаны с длительным вовлечением в сексуальные отношения, к сожалению, перед экспертами поставлены не были, хотя именно эти вопросы имеют принципиальное значение при расследовании дел о педофильном инцесте⁶.

Суд оправдал мать потерпевшей. Отчим был осужден по 18 эпизодам сексуальных сношений, имевшим место после достижения потерпевшей 15-летнего возраста, которые были квалифицированы по ч. 1 ст. 134 УК РФ.

Можно отметить некоторую непоследовательность позиции суда. Суд согласился с показаниями потерпевшей относительно числа половых сношений с отчимом, но счел их добровольными. С учетом того что потерпевшая в это же время состояла в сексуальных отношениях с молодым человеком, которого, по ее словам, она любила и за которого собиралась замуж, добровольность ее сексуальных контактов с отчимом, на наш взгляд, вызывает сомнения. Эти сомнения подтверждаются также длительными конфликтными взаимоотношениями отчима и падчерицы. Разрешить указанные сомнения могли бы эксперты, перед которыми в рамках КСППЭ следовало поставить вопросы о наличии у потерпевшей признаков психологической травмы вследствие принуждения к сексуальным отношениям, о характере ее отношений с отчимом, о наличии у нее страха перед отчимом и способности оказывать сопротивление его требованиям. Однако ни следствие, ни суд эти вопросы перед экспертами не поставили.

Приверженность узкой трактовке предмета КСППЭ проявляется в том, что отдельные специалисты в области судебно-психиатрической экспертизы негативно восприняли установленную Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁷ возможность назначения КСППЭ на этапе доследственной проверки.

⁶ Дьяченко А. П., Цымбал Е. И. Типология инцеста // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2002. № 1 (2). С. 56—74; Они же. Инцест и его уголовно-правовая оценка // Уголовное право. 2014. № 2. С. 27—32.

⁷ СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

С. Н. Шишков полагает, что по своему характеру и содержанию судебно-психиатрические экспертные выводы не могут служить средством установления данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ). Следовательно, эти выводы не имеют отношения к вопросам, решаемым на стадии возбуждения уголовного дела⁸. Данный вывод можно признать обоснованным только с учетом оговорки, которую делает автор, указывая, что на этапе доследственной проверки экспертам предлагают традиционные судебно-психиатрические вопросы об установлении наличия/отсутствия психического расстройства у обвиняемого (подозреваемого), беспомощного состояния потерпевшей, ее способности давать показания. Ответы экспертов на такие вопросы не могут повлиять на решение о возбуждении или об отказе от возбуждения уголовного дела. Так, уголовное дело подлежит возбуждению независимо от того, окажется ли привлекаемое к уголовной ответственности лицо страдающим психическим расстройством.

В той же работе С. Н. Шишков указывает путь, по которому должна развиваться КСППЭ для того, чтобы соответствовать новеллам законодательства. По его мнению, необходимо расширение перечня вопросов, которые ставятся перед экспертами, и уход от потенциальной, не относящейся к конкретной криминальной ситуации оценки способности давать показания. Однако на практике эти здравые рекомендации, увы, не реализуются.

Внесение изменений и дополнений о возможности назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела только в ст. 144 УПК РФ привело к ряду проблем, в наибольшей степени затрагивающих интересы малолетних. Указание от 01.02.2016 № 67/36 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований законов при назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы»⁹ дало ответы на часть из этих вопросов. Так, в п. 1.3 названного документа обоснованно разъясняется, что на этапе доследственной проверки не допускается принудительное направление на КСППЭ и обязательным условием производства экспертизы является согласие испытуемого или его законного представителя.

Последнее положение применительно к несовершеннолетним требует конкретизации. Согласно ч. 2 ст. 54 Основ охраны здоровья граждан в Российской Федерации в большинстве случаев несовершеннолетний вправе самостоятельно давать согласие на медицинское вмешательство начиная с 15 лет. В процессе уголовного судопроизводства интересы несовершеннолетних защищает лицо, уполномоченное на то следователем (законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или обвиняемого). До возбуждения уголовного дела и определения процессуального статуса несовершеннолетнего такой законный представитель несовершеннолетнего, как участник уголовного процесса отсутствует. В связи с чем возникает вопрос: достаточно ли для производства КСППЭ до возбуждения уголовного дела согласия самого несовершеннолетнего, достигшего 15-летнего возраста, или также необходимо согласие его законного представителя?

С нашей точки зрения, медицинская составляющая в КСППЭ незначительна, юридически же значимые выводы, полученные в результате ее производства, имеют существенное значение. Поэтому при назначении КСППЭ на этапе доследственной проверки согласие на производство экспертизы должен давать и законный представитель несовершеннолетнего, вне зависимости от возраста последнего.

Не менее важным является вопрос о правах законного представителя несовершеннолетнего при назначении экспертизы, поскольку до возбуждения уголовного дела не могут быть применены ст. 42 и 426 УПК РФ. В результате ни сам несовершеннолетний, ни его законный представитель не могут ознакомиться ни с постановлением о назначении экспертизы, ни с результатами экспертного исследования, а также не могут ходатайствовать о постановке перед экспертами тех вопросов, которые они считают для себя принципиально значимыми.

По нашему мнению, указанные проблемы могут быть решены на законодательном уровне. Для этого целесообразно внести соответствующие изменения и дополнения либо в УПК РФ, либо в Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

⁸ Шишков С. Н. Возможно ли производство судебно-психиатрической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2013. № 10. С. 37—42.

⁹ Законность. 2016. № 4.

Для развития отечественной КСППЭ потерпевших и свидетелей, в том числе по делам о сексуальных преступлениях, большой интерес представляет опыт зарубежных стран, например ФРГ, с учетом близости отечественной и немецкой психиатрических школ и законодательства. Подробное описание особенностей производства КСППЭ по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в ФРГ содержится в работе Е. В. Макушкина и др.¹⁰ Рассмотрим некоторые из них.

1. В ФРГ, как и Российской Федерации, в рамках КСППЭ эксперты производят необходимые им исследования, но не вправе устанавливать новые фактические данные (т.е. собирать доказательства) по уголовному делу. При психиатрическом освидетельствовании эксперты в ФРГ имеют возможность не только изучить материалы уголовного дела, в котором собрана информация о личности испытуемого, но могут также подробно опросить родственников испытуемого и знающих его лиц, т.е. собрать так называемый объективный анамнез, играющий важную роль в постановке точного психиатрического диагноза.

Инструкция об организации производства судебно-психиатрических экспертиз в отделениях судебно-психиатрической экспертизы государственных психиатрических учреждений, утвержденная приказом Минздравсоцразвития РФ от 30.05.2005 № 370¹¹, к сожалению, такого права отечественным экспертам не предоставляет. Безусловно, эксперт может воспользоваться своим правом участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы, которое закреплено в п. 3 ч. 3 ст. 57 УПК РФ. Однако такой порядок затягивает сроки производства экспертизы: убедившись в необходимости получения информации об испытуемом от свидетелей, эксперт должен возвратить уголовное дело следователю, принести соответствующее ходатайство, принять участие в допросе, дожидаться возвращения уголовного дела и только после этого продолжить экспертизу.

С нашей точки зрения, целесообразно наделить экспертов-психиатров и экспертов-психологов правом собирать информацию об

испытуемых не только от них самих, но и от иных участников уголовного процесса. Такой порядок отвечает методологии постановки психолого-психиатрического диагноза. При этом желательно закрепить обязанности экспертов в полном объеме фиксировать указанную информацию в материалах экспертного исследования и в своем заключении, а также установить их ответственность за заведомое искажение или сокрытие экспертом информации, полученной от свидетелей.

2. Обязательной областью изучения при КСППЭ является сама криминальная ситуация. Для потерпевших от сексуальных преступлений криминальная ситуация в большинстве случаев является мощным психотравмирующим фактором. Эксперт, расспрашивая потерпевшего о криминальной ситуации, актуализирует травматические переживания, однако не имеет при этом права оказать ребенку необходимую психологическую помощь. Особую драматичность ситуация принимает у экспертов-психологов, поскольку для оказания помощи психолог должен принять позицию клиента. В случае психологической экспертизы это означает занятие экспертом позиции стороны обвинения.

В ФРГ эксперты-психологи активно обсуждают коллизию между своими уголовно-процессуальными и профессиональными обязанностями. В России так вопрос вообще не ставится, поскольку эксперт-психолог занимается исключительно диагностической деятельностью. Это обстоятельство не снимает с повестки дня вопрос о том, с какого момента малолетнему потерпевшему может быть оказана психологическая помощь.

3. После завершения исследования эксперты составляют письменное заключение, содержащее ответы на входящие в их компетенцию вопросы, которые были поставлены перед ними следователем или судом. В ФРГ такое письменное заключение носит предварительный характер. Окончательно эксперт формулирует свои выводы только в судебном заседании с учетом всех данных, которые стали известны в процессе рассмотрения дела судом. В связи с этим эксперт принимает участие во всех заседаниях суда и занимает активную позицию, так как наделяется правом задавать вопросы участ-

¹⁰ Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых в уголовном процессе : руководство для врачей. СПб., 2014.

¹¹ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 29.

никам процесса после завершения их допроса стороной обвинения и защиты. Полученные ответы могут быть использованы экспертом при формулировании окончательного вывода.

Такая практика представляется оправданной и может способствовать сокращению числа судебных ошибок. Например, тревога потерпевшей в отношении обвиняемого (подсудимого), выявленная при проведении КСППЭ, может быть связана не с негативным отношением к нему, а с опасением раскрытия его оговора. Если же оговор станет известен при рассмотрении дела в суде, то эксперт сможет внести в свое заключение необходимые коррективы. В этом случае экспертное заключение не сможет рассматриваться судом как подтверждение показаний потерпевшей, данных на этапе досудебного производства по делу.

4. Представители экспертного сообщества в ФРГ и криминалисты указывают на особую значимость для суда выводов экспертов-психиатров. По их мнению, на практике это может приводить к превращению эксперта в «судью в белом халате». Особое доверие к выводам экспертов характерно и для российских судей¹².

Причина подобного отношения к заключениям КСППЭ, на наш взгляд, очевидна. Экспертиза назначается в тех случаях, когда следователь или суд не обладают необходимыми для расследования уголовного дела знаниями в области судебной психиатрии и юридической психологии. Поэтому в узкоспециальных вопросах следователь и суд склонны полностью доверять эксперту. Анализ обвинительных заключений и судебных приговоров по делам о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних, проведенный авторами, свидетельствует о том, что у юристов недостаточно специальных знаний в этих областях для глубокой оценки экспертного заключения. Это создает потенциальную опасность подмены решения суда мнением экспертов, которую верно отмечают немецкие специалисты.

Не будет большим преувеличением утверждать, что заключение эксперта (комиссии экспертов), будучи одним из доказательств по уголовному делу, превращается в особое доказательство, которое зачастую принимается судом без надлежащей оценки в совокупности с другими доказательствами. Утверждение о том, что у суда нет оснований сомневаться в объективности и компетентности экспертов, вряд ли можно рассматривать как серьезную оценку судом обоснованности экспертного заключения.

Особое положение заключения экспертов среди других доказательств повышает значение экспертных ошибок и предполагает разработку системы мер для их предупреждения. На отмеченное обстоятельство указывал Р. С. Белкин¹³.

Важнейшим источником экспертных ошибок является искаженное формирование внутреннего убеждения эксперта¹⁴. Внутреннее убеждение эксперта — это субъективная уверенность специалиста в правильности сделанной им оценки. Указанное состояние складывается из гносеологического, логического и психологического аспектов¹⁵. По нашему мнению, психологический аспект правильнее всего называть эмоциональным. Особое значение эмоциональный аспект приобретает при производстве КСППЭ по делам о сексуальных преступлениях в отношении малолетних.

Отметим особенности формирования компонентов внутреннего убеждения эксперта. Гносеологический и логический компоненты формируются в процессе производства экспертного исследования и основаны на результатах профессиональной деятельности эксперта. Эмоциональный компонент возникает уже при знакомстве с материалами уголовного дела или с информацией, полученной от следователя. В этот момент эксперт еще не обладает всей собранной по делу информацией, что повышает риск возникновения ошибок. Кроме

¹² Дьяконова О. Г. Формирование внутреннего убеждения эксперта и его влияние на экспертные ошибки // Эксперт-криминалист. 2013. № 4. С. 8—10 ; Сафуанов Ф. С., Исаева И. В. Анализ решений верховных судов по аффективным преступлениям и проблемы судебной экспертизы // Российский судья. 2015. № 12. С. 37—40.

¹³ Белкин Р. С. Криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М., 1988. С. 86.

¹⁴ Аубакирова А. А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010.

¹⁵ Дьяконова О. Г. Указ. соч. С. 8—10.

того, эмоциональное отношение к криминальной ситуации в значительной мере формируется под влиянием бытового, а не профессионального сознания эксперта.

Сформировавшееся эмоциональное отношение эксперта к предмету исследования неизбежно влияет на оценку полученных результатов. Причем это влияние самим экспертом не вполне осознается. Результаты такого влияния отчетливо видны при анализе ряда заключений КСППЭ, когда эксперты, собрав значительный объем фактических данных, при обосновании своих выводов опираются только на те из них, которые подкрепляют гипотезу, приоритетную для эксперта.

Для минимизации подобных ошибок экспертная практика ФРГ пошла по пути формулирования альтернативных выводов. Эксперты, проведя необходимые исследования, имеют право сформулировать два и более альтернативных вывода, указывая, какие именно обстоятельства подтверждают каждый из них и какова вероятность каждого из предлагаемых выводов. В судебном заседании на основании допроса экспертов и изучения всех собранных доказательств в основу решения суда кладется один из альтернативных выводов. Важно, что при таком подходе окончательное решение по вопросу, требующему применения специальных знаний, принимает суд, а не эксперты.

По нашему мнению, безальтернативность выводов экспертов ведет к тому, что в своих заключениях они нередко упрощают, обедняют результаты проведенных исследований, чтобы исключить те обстоятельства, которые не соответствуют их гипотезе. Анализируются не все имеющиеся результаты, а только те из них, которые подтверждают выбранную экспертом позицию. Это первый, но весьма опасный шаг на пути к экспертным ошибкам.

Альтернативный вывод является также и вероятным выводом, поскольку эксперты указывают вероятность каждой из сформулированных альтернатив. Негативное отношение к вероятному выводу эксперта было зафиксировано в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16.03.1971 № 1 «О судебной экс-

пертизе по уголовным делам»¹⁶ (ныне утратило силу) на том основании, что вероятное заключение эксперта не может быть положено в основу приговора. При этом Верховный Суд СССР рассматривал понятие «вероятность» и «предположение» как тождественные, что, на наш взгляд, не соответствует действительности.

Статья 302 УПК РФ констатирует, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, но законодатель не проводит аналогии между вероятностью и предположением. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» отсутствует утверждение о недопустимости вероятного заключения эксперта. Следует согласиться с мнением И. В. Овсянникова, что названное постановление не дает каких-либо априорных оценок доказательственного значения и категорического заключения эксперта, призывает суд не устанавливать заранее силу заключения эксперта, содержащего выводы в вероятной или категорической форме¹⁷.

Заключение судебной экспертизы — это результаты научного исследования, проведенного по требованию следователя или суда. Научное же знание нередко носит вероятностный характер. Чем сложнее изучаемая ситуация или явление, чем больше факторов оказывает на них влияние, тем точнее будет ее оценка, данная в виде альтернативных выводов, а не в форме категорического суждения. Предположения свидетеля или потерпевшего принципиально отличаются от альтернативных выводов эксперта, основанных на результатах научного исследования и последующего их логического анализа с учетом иных доказательств, собранных по уголовному делу.

Новая позиция Пленума Верховного Суда РФ сталкивается с инерцией профессионального сознания, что ведет к возникновению своеобразной «гибридной» позиции. Так, автор комментария к ст. 82 КоАП РФ признает, что выводы, изложенные в заключении эксперта, могут быть категорическими и вероятностными, что совпадает с точкой зрения Пленума¹⁸. Однако далее указывается, что категорический

¹⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. № 2.

¹⁷ Овсянников И. В. К вопросу о вероятном заключении эксперта // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 56—59.

¹⁸ Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / под ред. В. В. Яркова. М., 2016.

вывод более достоверен, чем вероятностный, и его получение желательнее. Авторы допускают формулирование заключения в форме альтернативы, но полагают, что это снижает достоверность заключения. Как видим, здесь смешиваются понятия «вероятность» и «достоверность», что вряд ли допустимо.

В настоящее время вероятностные выводы широко используются только при почерковедческой экспертизе¹⁹, технико-криминалистической экспертизе документов²⁰ и генетической экспертизе. В последнем случае возможность формулирования экспертами категорического вывода вообще исключается²¹.

Еще одним эффективным инструментом выявления ошибок, допущенных при производстве КСППЭ, может быть состязательность сторон при исследовании в суде экспертного заключения как одного из доказательств. В настоящее время, когда эксперта в суде допрашивают представители сторон, не имеющие необходимых специальных знаний в области судебной психиатрии и юридической психологии, дать глубокую оценку полноте экспертного исследования и обоснованности выводов представляется затруднительным.

Исправить ситуацию можно, только разрешив защите и обвинению привлекать соответствующих специалистов для допроса эксперта в судебном заседании. Такой подход неоднократно предлагался одним из авторов настоящей статьи²². Сходную точку зрения, кстати, высказывает Н. Н. Апостолова²³, которая считает особенно плодотворным и полезным участие независимого специалиста в перекрестном допросе эксперта, проводившего экспертизу по делу.

Соглашаясь с этой позицией, хотелось бы отметить, что характеристика «независимый» в отношении специалиста, привлекаемого

к участию в судебном процессе, является, на наш взгляд, излишней. Гарантией отсутствия экспертной ошибки является не его гипотетическая независимость (труд специалиста, как известно, оплачивается привлекающей его стороной), а компетентность специалиста или эксперта, а также состязательность процесса.

ВЫВОДЫ

1. С целью реализации принципа наилучшего обеспечения интересов детей, пострадавших от сексуальных преступлений, на законодательном уровне целесообразно закрепить права малолетних потерпевших и свидетелей и их законных представителей при назначении и производстве КСППЭ на стадии доследственной проверки.

2. Накопленный за последние годы объем новых знаний в области юридической психологии, виктимологии несовершеннолетних и психологических последствий сексуального насилия над детьми позволяет расширить круг вопросов, которые могут быть поставлены при назначении КСППЭ малолетним потерпевшим и свидетелям по делам о сексуальных преступлениях. Представляется, что сформулировать эти новые вопросы может лишь профессиональное сообщество экспертов с обязательным учетом потребностей следственной и судебной практики и опыта экспертов зарубежных стран.

3. Целесообразно наделить экспертов-психиатров и экспертов-психологов правом собирать информацию об испытуемом от свидетелей. При этом необходимо закрепить обязанность экспертов в полном объеме фиксировать указанную информацию в материалах экспертного исследования и экспертном

¹⁹ Кошманов П. М., Кошманов М. П., Шнайдер А. А. Идентификационная информативность подписи — основа отождествления ее исполнителя // Эксперт-криминалист. 2009. № 1.

²⁰ Шведова Н. Н. Криминалистическое исследование реквизитов документов, нанесенных современными материалами письма. Волгоград, 2013.

²¹ Порядок организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации, утвержденный приказом Минздравсоцразвития РФ от 12.05.2010 № 346н.

²² Цымбал Е. И. Перспективы развития судебно-психиатрической экспертизы // Независимый психиатрический журнал. 2004 № 4. С. 39—41 ; Цымбал Е. И. Правовые основания и организационные формы использования специальных знаний в процессе судопроизводства // Российский психиатрический журнал. 2006. № 2. С. 81—84.

²³ Апостолова Н. Н. Специальные знания в современном судопроизводстве // Мировой судья. 2014. № 10. С. 24—28.

заключении, а также установить ответственность за заведомое искажение или сокрытие экспертом информации, полученной в ходе производства экспертизы. Что предполагает внесение соответствующих изменений и дополнений в УПК РФ и УК РФ.

4. Следует законодательно установить момент, когда возможно оказание психологической и психотерапевтической помощи потерпевшим по делам о сексуальных преступлениях, так как подобная помощь может сказываться на их способности давать показания. Отсутствие же необходимой помощи или несвоевременное ее оказание негативно влияют на психическое здоровье малолетних потерпевших.

5. Формулирование экспертами альтернативных выводов позволит существенно снизить риск экспертных ошибок, обусловленных искаженным формированием внутреннего убеждения экспертов.

6. Развитие отечественного законодательства, регламентирующего назначение и производство КСППЭ в отношении малолетних потерпевших и свидетелей по делам о сексуальных преступлениях, должно опираться на нормы международного права (Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г.) и накопленный в зарубежных странах опыт ее имплементации в уголовно-процессуальное законодательство и экспертную практику.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Апостолова Н. Н. Специальные знания в современном судопроизводстве // Мировой судья. — 2014. — № 10.
2. Дьяконова О. Г. Формирование внутреннего убеждения эксперта и его влияние на экспертные ошибки // Эксперт-криминалист. — 2013. — № 4.
3. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства Российской Федерации (постатейный, научно-практический) / под ред. В. В. Яркова. — М., 2016.
4. Кошманов П. М., Кошманов М. П., Шнайдер А. А. Идентификационная информативность подписи — основа отождествления ее исполнителя // Эксперт-криминалист. — 2009. — № 1.
5. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних обвиняемых в уголовном процессе : руководство для врачей. — СПб., 2014.
6. Овсянников И. В. К вопросу о вероятном заключении эксперта // Российская юстиция. — 2014. — № 11.
7. Сафуанов Ф. С., Исаева И. В. Анализ решений верховных судов по аффективным преступлениям и проблемы судебной экспертизы // Российский судья. — 2015. — № 12.
8. Шведова Н. Н. Криминалистическое исследование реквизитов документов, нанесенных современными материалами письма. — Волгоград, 2013.
9. Шишков С. Н. Возможно ли производство судебно-психиатрической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. — 2013. — № 10.

Материал поступил в редакцию 27 декабря 2016 г.

PSYCHOLOGICAL AND PSYCHIATRIC EXAMINATION OF JUVENILE VICTIMS IN SEXUAL OFFENCE CASES

TSYMBAL Evgeniy Iosifovich — PhD in Medicine, Analyst of the City Scientific and Practical Centre for Children Rights Protection "Detstvo" at the Moscow Department of Labour and Social Care
detstvo476@mail.ru
115419, Russia, Moscow, Shabolovskaya Str., 48

DYACHENKO Anatoliy Petrovich — Doctor of Law, Professor at the Modern University of the Humanities
melhior@inbok.ru
109029, Russia, Moscow, Nizhegorodskaya Str., 32, bldg 4.

Review. *Comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of the victims plays an important role in the investigation and hearing of cases involving sexual offences against minors in court. According to the authors, the state of the*

expert practice in this category of cases does not always meet the needs of the investigation and trial. Courts tend to trust the experts' opinions and not always evaluate the validity of the expert conclusions on the merits, ignoring the inconsistency of these findings to other evidence collected in the case. To change the situation, the authors offer the following measures. To expand the range of issues that may be raised before experts in the investigation of sexual crimes against minors taking into account the achievements of victimology and legal psychology on the features of psychological consequences caused by sexual violence experienced by children. To identify the range of issues that are expedient to be set before experts in the appointment of the examination at the stage of criminal proceedings. To give expert psychiatrists and psychologists the right to independently interview witnesses for information about life and upbringing of the survivor. In so doing, to criminalize the experts for deliberate distortion of information received from witnesses. To recognize the admissibility of formulating alternative probable experts conclusions. The need to formulate alternative conclusions would prompt experts to nominate not one but several expert hypotheses, analyze the facts supporting and refuting each of these hypotheses. Such a practice would dramatically reduce the number of expert errors subject to distortion of the internal persuasion expert. With the development of the legal regulation on the provision of comprehensive forensic psychological and psychiatric examination of juvenile victims in sexual offence cases and methods of the specified examinations, it is advisable to rely on international legal standards and the experience of foreign countries.

Keywords: criminal procedural law, comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychiatric examination, sexual offences, juvenile victims, expert errors, expert conclusions, pre-investigation check.

BIBLIOGRAPHY

1. Apostolova, N. N. Special Knowledge in Contemporary Judicial Proceeding // Magistrate Judge. — 2014. — No. 10.
2. Dyakonova, O. G. Formation of Internal Conviction of the Expert and Impact Thereof on Expert's Mistakes // Expert-Criminalist. — 2013. — No. 4.
3. Commentaries to the Administrative Procedure Rules of the Russian Federation (Article-by-Article, Scientific and Practical). V.V. Yarkov (ed.). — M., 2016.
4. Koshmanov, P. M., Koshmanov, M. P., Schneider, A. A. Informative Signature Identification is the Basis for its Equating with the Performer // Expert-criminologist. — 2009. — No. 1.
5. Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Juveniles Accused in the Criminal Process: Guide for Physicians. — Spb., 2014.
6. Ovsyannikov, I. V. To the Issue of Probable Expert // Russian Justitia. — 2014. — No. 11.
7. Safuanov, F. S., Isaeva, I. V. Analysis of Judgements of Supreme Courts on Passion Crimes and Issues of Forensic Examination // Russian Judge. — 2015. — No. 12. S.
8. Shvedova, N. N. Criminological Study of the Information on the Documents Written with Modern Materials. — Volgograd, 2013.
9. Shishkov, S. N. Can Forensic Examination be Carried Out at the Stage of Instigation of a Criminal Case? // Zakonnost'. — 2013. — No. 10.